

Глава 2. Поездка в уезд

Вымывшись, Е Ишу заодно постирал свою одежду. Когда он вынес воду, чтобы вылить, то увидел, что бабушка всё ещё стоит у дверей центральной комнаты. Заметив его, она тут же подошла. Е Ишу сделал вид, что не замечает её, и через несколько шагов почувствовал, как его ноша стала легче — это Доумяо, кряхтя, подхватил деревянное ведро.

Вылив воду, Е Ишу бросил брату «подожди» и вошёл в комнату. Ли Сынян проводила его спину гневным взглядом, мысленно проклиная: «Если бы не его охотничьи навыки, я бы не потерпела, чтобы этот выродок так вёл себя со мной». Доумяо, поставив ведро, случайно встретился взглядом с Ли Сынян. Холод в её глазах заставил его вздрогнуть, и он со всех ног бросился в комнату. С самого детства он знал, что бабушка не любит их семью.

В комнате Е Ишу развязал мешок. Доумяо, оперевшись на колени, присел рядом. Десятилетний мальчик был маленьким и худеньким, с тонкими ручками и ножками, тусклыми волосами и личиком не больше ладони, без малейшего намёка на детскую пухлость. Его потрёпанная одежда была перешита из старых вещей Е Ишу.

— Разве я не купил недавно отрез ткани, чтобы мама сшила тебе новую одежду? — спросил Е Ишу.

Доумяо, подперев щёки руками, вздохнул по-взрослому:

— Бабушка забрала. Ты же знаешь, она не терпит, когда у нас появляется что-то хорошее.

Взгляд Е Ишу стал ещё холоднее. В пятнадцать лет ему разрешили ходить в горы, и вот уже шёл третий год. Бабушка, считая его важной рабочей силой, освободила его от полевых работ, но потребовала, чтобы большую часть добычи он отдавал в общую казну. Е Ишу каждый год приносил домой мясо, но не замечал, чтобы его родители или младший брат стали выглядеть лучше. Зато дед с бабушкой и семья младшего дяди заметно поправились. Раньше он часто оставался в горах по три-пять дней, и двуличность бабушки не бросалась ему в глаза. Но в прошлый Новый год, увидев своего брата рядом с Е Цзиньбао, он поразился: его младший братишка выглядел как маленький нищий. Тогда-то он и понял, что большая часть принесённого им мяса не попадала в их тарелки.

Своё — только то, что съел. Е Ишу не мог переубедить родителей, но Доумяо, который с детства ходил за ним по пятам, слушал его во всём. Поэтому Е Ишу втайне научил брата, как есть мясо, не навлекая на себя гнев, что и привело к сцене за ужином.

— Я заберу ткань, — сказал Е Ишу.

Доумяо с обожанием посмотрел на брата:

— Помочь?

— Подержи мешок.

Доумяо тут же протянул руку, чтобы помочь Е Ишу, но, заглянув внутрь, надул губы:

— Брат, всё отдадим бабушке?

— Там немного, — ответил Е Ишу.

Сегодняшний улов был скудным: всего два кролика, большой и маленький, горсть диких ягод и пять яиц. Большого кролика он отдал семье второго двоюродного деда, а в маленьком и мяса-то почти не было. Е Ишу отсчитал три яйца и сунул их Доумяо за пазуху. Оставшиеся два яйца, маленького кролика и большую часть ягод он вынес наружу.

Ли Сынян, увидев тяжёлый мешок, решила, что внук снова принёс что-то ценное, но, заглянув внутрь, едва сдержала разочарование.

— И это всё?

— Вы думаете, охота — это как грибы собирать? Хорошо, что хоть что-то живое поймал. Не хотите — отдавайте обратно.

Е Ишу протянул руку, но Ли Сынян тут же спрятала мешок за спину. Она знала, что Е Ишу наверняка оставил себе что-то получше, но что хорошего могла съесть семья её старшего сына? Впрочем, вслух она этого сказать не осмелилась. Этот братец Шу с тех пор, как в десять лет перенёс тяжёлую болезнь, стал неуправляемым. Слово назло ей, его характер стал твёрдым и упрямым, как камень из сточной канавы. Не геэр, а наказание. Сам нашёл себе в учителя охотника Ши с окраины деревни и обучился его ремеслу. Мало того, ещё и младшего, Доумяо, настроил против неё.

Чем больше Ли Сынян думала, тем сильнее закипала от злости. Прижав мешок к груди, она ушла. Ругать и бить его нельзя, а находиться рядом с этим отродьем — значит сокращать себе жизнь.

Когда Ли Сынян успокоилась, в центральной комнате погасили свет. Младший дядя, весь день прохлаждавшийся в поле, после ужина ушёл к своей жене и сыну. Только в их восточной пристройке всё ещё горела масляная лампа. Из-за стены доносились приглушённые голоса родителей, обсуждавших завтрашние полевые работы. Доумяо хвастался матери яйцами, которые дал ему брат. Смех троих был тихим — они, должно быть, думали, что он уже спит.

В комнате Е Ишу было темно. Он сидел на кровати в одной нижней рубашке, скрестив ноги. Воротник был растегнут, тёмные волосы рассыпались по спине. Они ещё не высохли, и Е Ишу

заставлял себя не спать. Лунный свет туманно проникал в окно, и его лицо, наполовину скрытое в тени, казалось прекраснее цветка удумбара, сияя колдовской красотой. Постепенно в соседней комнате погас свет. Е Ишу, проверив волосы, тоже лёг и накрылся одеялом до груди. Он решил завтра встать пораньше, нужно было продать товар, оставленный у учителя.

Прошло несколько часов. После того как несколько раз пропели петухи и небо только-только начало светлеть, Е Ишу проснулся и встал. Он ловко связал волосы и, накинув короткую куртку, вышел из комнаты. В это время, кроме его матери, готовившей завтрак на кухне, и отца, собиравшего инструменты для работы в поле, все остальные члены семьи ещё спали.

Выжав и повесив сушиться тряпку, истёртую до ниток, Е Ишу сказал занятой на кухне женщине:

— Мама, я пошёл.

— Уже уходишь, не поев? — Ши Пулю торопливо вытерла руки и, выхватив из котла два припрятанных варёных яйца, выбежала за ним.

Е Ишу остановился и подождал, пока она подойдёт. Его ладонь обожгло теплом — это были те самые дикие яйца, которые он принёс вчера.

— Я же вам их оставил.

— Возьми, я оставила одно для Доумяо. Мы такое не очень любим, — сказала Ши Пулю, опасливо оглядываясь на закрытые окна и двери центральной комнаты. Она быстро убрала руку и с тревогой спросила: — Сегодня в горы не пойдёшь? — Она не видела у сына с собой еды.

Е Ишу опустил взгляд на её руки — с узловатыми пальцами, грубые, как древесная кора.

— Нет, в город.

— А! Ну, иди, и возвращайся поскорее, — на лице Ши Пулю появилась улыбка, и она заметно расслабилась. — Я пойду готовить, а ты будь осторожен.

Е Ишу кивнул и, крепче сжав в руке два яйца, проводил мать взглядом. Её здоровье было слабым. В девичестве мачеха морила её голодом и не давала тёплой одежды. В семье Е отец немного защищал её, но бабушка всё равно заставляла её работать до изнеможения. Лишь после того, как Е Ишу в пятнадцать лет начал охотиться, её жизнь стала немного легче. Но этого было недостаточно.

Е Ишу повернулся и, с топором за поясом, поспешил к окраине деревни. Он был местным геэр, но, должно быть, в прошлой жизни не допил суп забвения у бабки Мэн-по, потому что в два-три года у него начали появляться обрывочные воспоминания о прошлой жизни. Тогда он, в горячечном бреде, рассказал об этом родителям. Бабушка, услышав это, заявила, что в него вселился злой дух, и позвала знахарку. Естественно, та ничем не помогла. Когда он был уже на грани безумия, родители, умолявшие Ли Сынян дать денег на лечение, получили отказ. В конце концов, кто-то в деревне сказал, что старый даос из монастыря умеет лечить. Родители ночью же отнесли его за десять ли в монастырь, и только благодаря старому даосу он выжил. После этого воспоминания о прошлой жизни исчезли. Но в десять лет они вернулись снова. На этот раз он никому ничего не сказал, а сам начал строить планы, нашёл учителя и обучился боевым искусствам. Постепенно он обрёл силу, и никто больше не смел его обижать.

Ему было восемнадцать, и он охотился уже три года. За это время он кое-что заработал, но копить деньги было очень трудно. Здоровье матери было слабым, она часто болела, а лечение стоило дорого, так что деньги уходили, как вода. Теперь он решил подкопить ещё немного, а потом поехать в уезд и купить матери укрепляющих трав, чтобы она не сваливалась от каждого дуновения ветра, теряя при этом в весе.

У окраины деревни стоял двор, обнесённый стеной из синего кирпича, с несколькими домами из того же кирпича. Прохожие не могли заглянуть внутрь. Этот дом был одним из лучших в деревне — дом его учителя. Е Ишу постучал, и изнутри донёсся голос: «Иду, иду». Дверь открылась, и его силой втащили во двор.

— Ты уже поел? — затараторил юноша-геэр, который был на полголовы ниже его. — Мы как раз завтракаем, поешь с нами.

Его без церемоний усадили за стол. Е Ишу привык к такому обращению. Напротив него сидели двое мужчин, почти одинаковых на вид: квадратные лица, широкие лбы, густые брови и полные губы. Черты их лиц были грубоватыми, телосложение — крепким, а голоса — зычными.

— Учитель, второй дядя Ши, — поздоровался Е Ишу.

Братья Ши приехали в деревню Сялинь много лет назад, купили здесь землю и дом и обосновались. Они были родными братьями и очень дружили, поэтому даже после женитьбы не стали делиться. Юноша, который его ввёл, был сыном его учителя Ши Да и звали его Ши Вэй. Он был его ровесником и другом детства.

Ши Да, увидев своего ученика, заметил, как тот достал из кармана два ещё тёплых диких яйца, и понял, что тот не ел.

— Ши Вэй, принеси ещё одну чашку каши.

— Сейчас! — Ши Вэй вихрем умчался и налил полную чашку мясной каши, которую приготовили сегодня утром.

Когда он вернулся в комнату, Е Ишу уже катал яйца по столу. Дикие яйца были ароматными, но маленькими. Очистив их от скорлупы, Е Ишу протянул одно Ши Да, но тот отказался. Тогда он предложил его Ши Вэю. Ши Вэй оттолкнул его руку и поставил перед ним большую чашку с кашей.

— Ешь давай, тебе ещё в город ехать.

Из кухни вышел младший отец Ши Вэя, который, услышав, что пришёл Е Ишу, тоже принёс два яйца, но уже от домашних кур. Увидев, что у Е Ишу в руках уже есть яйца, он улыбнулся:

— Вот, ешь. Если мало, у меня ещё есть.

В глазах Е Ишу заплясали смешинки. Он посмотрел на нежного фулана с оленьими глазами и сказал:

— Дядя Вэнь.

— Ешь, ешь скорее, — ответил Цю Вэнь.

Е Ишу кивнул и только тогда принялся за еду. С учителем он познакомился в десять лет. Тогда, окончательно вспомнив прошлую жизнь и отчаянно соскучившись по мясу, он отправился в горы ставить силки. Но вместо добычи чуть не попал под стрелу Ши Да. Ши Да, увидев, что такой маленький мальчик осмелился пойти в горы, отчитал его, а тот в ответ принялся умолять взять его в ученики. Ши Да не поверил ему, подумал, что это шутка, и в шутку же согласился. Е Ишу тут же побежал домой и заставил родителей готовить дары для церемонии посвящения, так что вся деревня узнала, что он, гээр, собирается стать учеником охотника. Увидев его настойчивость, Ши Да, поразмыслив, всё же принял его.

Прошло восемь лет. Учитель стал ему как родной отец: делился с ним и мясом, и супом. Если бы не он, то, учитывая положение дел в семье Е, он был бы сейчас куда худее. Но и сам он учился усердно. Ему приходилось и работать по дому, и тренироваться, так что свободного времени почти не было. Но благодаря этому он привык обедать у учителя и не стеснялся, когда его звали к столу.

После завтрака Ши Вэй собрал вышивки своего младшего отца для продажи, а Е Ишу помог Ши Да и Ши Эру погрузить товар на телегу. В город ехали только Е Ишу, его учитель и Ши Вэй. От их деревни Сялинь до города Фэн-нянь, расположенного к западу от уезда Цанцзин, на воловьей телеге было всего четверть часа пути. Пешком же пришлось бы идти полчаса.

В городе братья Ши продавали обычную добычу. Редкую же отвозили в уезд, где у них были постоянные покупатели. Е Ишу присоединился к ним. Пять кроликов и четыре фазана, которых

он наловил за последние несколько дней, они продали в несколько городских трактиров. За кролика давали шестьдесят вэней, за фазана — пятьдесят. За одну поездку в город он заработал пятьсот вэней.

— В телеге ещё два мунтжака и олень. А-Шу, поедешь с нами в уезд? — спросил Ши Да.

— Поеду! — тут же воскликнул Ши Вэй.

— Поеду, — ответил Е Ишу. — Хочу купить матери лекарств для укрепления здоровья. В уезде лекари получше.

— Да, получше, но и цены выше, — кивнул Ши Да.

Ши Вэй ткнул Е Ишу локтем и, сверкнув своими оленьими глазами, как у его младшего отца, сказал:

— Если не хватит, я добавлю.

— А ты не пожалеешь? — усмехнулся Е Ишу.

Ши Вэй что-то пробормотал, и его отец бросил на него неодобрительный взгляд.

— Ни я, ни твой младший отец не жадные, в кого ты такой Писю, что только берёшь и ничего не отдаёшь?

— Как это не отдаю! А соль кто покупал?

— Да, было дело в десять лет, удивительно, что ты до сих пор помнишь.

Ши Вэй покраснел и, обняв Е Ишу за руку, спрятался за его спиной. Е Ишу улыбнулся. Покачивание телеги успокаивало, и здесь он чувствовал себя гораздо свободнее, чем дома.

Дорога в уезд была долгой, даже на воловьей телеге пришлось ехать два часа. Ши Да правил, а Ши Вэй, обняв Е Ишу, болтал без умолку. Заговорив о лекарях, он сказал:

— Мой младший отец говорит, что в уезде лучше всего лечат в Цзидэ-тане. А ещё говорит, что тамошний доктор Сун — самый лучший.

— Да, — подтвердил Ши Да, — когда у твоего дяди Вэня был кашель, он один раз сходил к доктору Суну, и тот его вылечил. Вот только он приезжает в уезд раз в три дня, так что не факт, что мы его застанем.

<http://bllate.org/book/13660/1580591>